

**ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В БЕЛОРУССКО-
УКРАИНСКО-ПОЛЬСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ
(БРЕСТСКИЙ РЕГИОН)**

В статье анализируется проблема формирования исторической памяти в белорусско-украинско-польском пограничье с учетом характера диалога культур. Делается вывод об особом мироощущении гибридности у жителей региона и необходимости в связи с этим выстраивания региональной политики памяти.

Ключевые слова: национальная идентичность, историческая память, культурная граница, места памяти, диалог культур.

Проблему формирования национальной исторической памяти следует рассматривать в тесной связи с проблемой формирования национальной идентичности, так как историческая память это «важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом, это такой тип памяти, который имеет особенное значение для конституирования социальных групп в настоящем» [8]. Именно поэтому проблема формирования национальной исторической памяти становится важнейшей задачей исторической политики государства, особенно в молодых национальных государствах, где процесс формирования национальной идентичности ещё не завершён, как, например, в Беларуси. По данным Л. Г. Титаренко, существуют разные типы идентичности, и гражданскую идентичность (самоотождествление с гражданами Республики Беларусь) «часто» выбирает около 30% опрошенных, а всего – 54%, значительная часть сохраняет территориальный, локальный

или «тутэйшы», советский и этнонациональный тип идентичности [10, с. 27].

Формирование гражданской идентичности в пограничье представляет большую сложность, так как подобный регион рождает свой особый локальный тип идентичности, очерченный не государственно-географической, а культурной границей. В данном случае нельзя говорить о культурной границе в «пространственном модусе», но можно говорить о культурной границе во «временном модусе» [5], анализируя динамику культур. Характер динамики культур в регионе менялся под воздействием процесса возникновения новых государств, многократного изменения государственных границ, потоков миграции населения и прочих факторов, что чаще всего вело к преобладанию не мирных форм взаимодействия культур, а насильственному доминированию одной культуры над другой в политических целях. Опираясь терминологией Н.Н. Сокольских, использованной в статье «Диалог пограничных культур» [9, с. 136], применительно к Брестскому региону мы можем выделить разные стадии этого диалога. Проявлялось как «категорическое отрицание» иной культуры (например, в период вхождения Брестчины в состав Польши, когда значение русской и белорусской культуры всячески стремились минимизировать, а украинскую рассматривали как проявления «тутэйшасци», как переходное к «польскости»), так и «настороженность» по отношению к польской культуре в послевоенный период, сопровождаемая пренебрежительным отношением к «деревенской» украинской, а заодно и к белорусской культуре.

Сегодня в пограничье, где стыкуются две цивилизации, две основные христианские конфессии и три национальных государства продолжается межкультурный диалог. В диалоге участвуют, по меньшей мере, четыре субъекта: 1) русская культура, чья доминирующее в официальной сфере положе-

ние стало результатом политики русификации в Российской империи, а также культурной и кадровой политики, проводимой в СССР; 2) очень слабо выраженная белорусская культура, почти отсутствующая в сфере образования, в незначительной степени представленная в средствах массовой информации и практически отсутствующая в повседневном общении; 3) «деревенская» украинско-язычная (полесский диалект) культура; 4) когда-то доминирующая в регионе, а сейчас сохраняемая польским национальным меньшинством польская культура. Нельзя забывать, что долгое время на развитие региона большое влияние оказывала еврейская культура, практически уничтоженная во время Холокоста. Указанная градация участников диалога достаточно условна, так, как было сказано, не существует культурной границы в пространственном отношении. Сложно провести границу и по этническому признаку, сохраняется только градация по признаку вероисповедания. Этническое самосознание населения региона размыто. Практически любой житель региона ощущает свою принадлежность ко всем перечисленным выше культурам: по рождению, по родственным связям, по воспитанию, по образованию, что рождает определённое мироощущение так называемой «гибридности». Принимая «гибридность» как благо, человек пограничья приобретает одновременно к нескольким культурам, что делает его жизнь богаче и разнообразнее. Теоретик постколониализма Хоми Бхабха, говоря о культурной гибридности в положительном ключе, выдвигает концепцию «лестницы», как некоего опосредующего пространства во взаимодействии идентичностей: «Этот опосредующий проход между зафиксированными идентичностями и делает возможной культурную гибридность, которая и артикулирует различия вне апелляции к какой-либо предполагаемой или существующей иерархии» [2, с. 164].

Исходя из вышесказанного, в проблеме формирования национальной исторической памяти в белорусско-украинско-польском пограничье возможно выделить два аспекта: 1) проблема формирования общенациональной исторической памяти, которая в пограничье ещё более актуальна, чем в центральных районах страны; 2) проблема сохранения, изучения и развития всех составляющих исторической памяти, которые позволяют сохранить уникальность региона. Согласимся с российскими исследователями Л.П. Репиной и Л.Н. Мазур, что для формирования исторической памяти важны три процесса: 1) «забвение прошлого» (потеря возможности воспроизведения, а иногда даже узнавания ранее запомненного; 2) различные интерпретации фактов и событий; 3) актуализация (воспроизведение и узнавание) прошлого, связанная с текущими проблемами [4, с. 244]. Напомним, что историческая память трактуется как «коллективная память (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание группы), или как социальная память (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание общества), или в целом – как совокупность донаучных, научных, квазинаучных и вне научных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом» [8]. И как коллективная память историческая память поддаётся корректировке, управлению и манипулированию. Результат зависит от того, какие инструменты при этом используются.

Если говорить об общенациональной исторической памяти, то для её формирования могут быть задействованы все средства исторической политики государства, помогающие закрепить в массовом сознании конкретную интерпретацию истории через представления об истоках государственности, вехах государственности, важнейших ключевых событиях в истории, исторических персоналиях (белорусский социолог Алексей Ластовский считает эти представления главными

индикаторами исторической памяти) [3]. Исследования белорусских ученых (А. Ластовского, Т. Островской и др.) [7] свидетельствуют, что национальная историческая память в настоящее время фрагментарна и неоднородна. Возможно ли в такой ситуации ставить ещё и задачу сохранения, изучения и развития всех составляющих исторической памяти, которые позволяют сохранить уникальность региона? Думается, что не только возможно, но и необходимо для того, чтобы не получить «эффект разорванной памяти, крайним проявлением которой является историческая амнезия» [4, с. 248].

К сожалению, при значительном внимании к проблемам пограничья, особенности исторической памяти населения региона изучены недостаточно. При отсутствии серьёзной научной базы в виде комплексного исследования региона проявляется катастрофическая несогласованность действий основных информационных каналов (системы образования, средств массовой информации, устных коммуникаций) в разработке региональной политики памяти, которая должна решать задачу, как формирования гражданской идентичности, так и сохранения локальной идентичности населения региона, используя все возможности её репрезентации через «места памяти». К таковым автор концепции «мест памяти» Пьер Нора причисляет «музеи, архивы, кладбища, коллекции, праздники, годовщины, трактаты, протоколы, монументы, храмы, ассоциации — все эти ценности в себе — свидетели другой эпохи, иллюзии вечности» [6, с. 26].

Для разработки эффективной политики памяти необходима не только серьёзная научная база, но и согласование различных подходов к политике памяти, совместные усилия властных структур, академических, университетских кругов, общественных организаций и инициатив, так как «политика памяти ... должна быть демократической и ориентированной на социальную инклюзию и критическую

рефлексию по поводу прошлого, а не исключение исторических событий, - травм и памяти отдельных социальных групп» [1]. Думается, что граждане нашего региона, осознавая свою «гибридность», могут вполне избежать конфликтности и излишней политизации при выработке своей региональной политики памяти. Хотя уже сейчас можно сказать, что есть определённые «точки напряжения» [1] в выработке региональной политики памяти: 1) проблемы, связанные с «польским периодом» (выдающиеся личности, в честь которых были названы улицы и учреждения, «кресовость»); 2) проблемы Второй мировой войны (особенно процесс воссоединения Западной Беларуси с БССР); 3) многие аспекты советской истории (жертвы репрессий, деятели советской эпохи, чьи имена излишне увековечены в названиях улиц городов региона); 4) проблема Холокоста и его последствий; 4) взаимоотношение конфессий и другие.

Литература

1. Браточкин, Алексей. Политика памяти в пространстве Минска: между забвением и идеей «множественности памятей» / Алексей Браточкин // Гефтер. – 27. 01. 2017. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gefter.ru/archive/20927>. – Дата доступа: 05. 01. 2019.
2. Бхабха, Хоми. Местонахождение культуры // Перекрёстки. Журнал исследований восточноевропейского пограничья. – 2005. – № 3-4. – Европейский гуманитарный университет. 2005. – 227 с.
3. Ластовский, Алексей. Специфика исторической памяти в Беларуси: между советским прошлым и национальной перспективой / Алексей Ластовский // 19 июля 2010 ПОЛИТ. РУ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2010/07/19/belorus/>. – Дата доступа: 06.09.2012.
4. Мазур Л. Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. С. 243–256. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia2/article/view/1589>. – Дата доступа: 21.01.2019.
5. Медведев А. В., Горобец Л. А. Взаимодействие культур: проблема терминологии // Дискуссия: Журнал научных публикаций. –

2014. – № 9 (50). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/vzaimodeystvie-kultur-problema-terminologii>. – Дата доступа: 05.06.2018.

6. Нора, Пьер. Проблематика мест памяти / Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюиже, М. Винок / Пер. с фр.: Дина Хапаева. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999, С. 17–50. [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html>. – Дата доступа: 05.06.2018.

7. Островская, Татьяна. Как в Беларуси менялись учебники истории / Татьяна Островская. // Наша Нива nn.by. – 22.10.2010. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nn.by/index.php?c=ar&i=44995>. – Дата доступа: 1.10.2012.

8. Соколова, М. В. Что такое историческая память / М.В. Соколова // Преподавание истории в школе. Научно-теоретический и методический журнал. – 2008. – №7. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pish.ru/blog/articles/articles2008/142>. – Дата доступа: 16.09.2012.

9. Сокольских Н. Н. Диалог пограничных культур. Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. /Аспирантские тетради. Научный журнал. – 2007. – № 10 (31). –СПб., 2007. – 248 с.

10. Титаренко Л. Г. Концепция белорусской национальной идентичности в условиях современной многовекторности развития / Философия и социальные науки. – 2010. – № 4. – С. 24 – 30.